

СТЕНОГРАММА
"круглого стола" Комитета Государственной Думы
по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям
на тему: "О приоритетных направлениях совершенствования
законодательства Российской Федерации
о несостоятельности (банкротстве)"

Здание Государственной Думы. Зал 137.
13 ноября 2017 года. 10 часов.

Председательствует председатель Комитета по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям Н.П.Николаев

Председательствующий. Добрый день! Народ будет подтягиваться. Но тем не менее давайте начнём.

Рад всех приветствовать. Тема банкротства у нас всегда вызывает, как только любой законопроект рассматриваем, бурные дебаты в зале пленарных заседаний.

И, я вот не знаю, коллеги Коломейцев у нас, Гартунг они обычно так, достаточно много выступают по этой теме. И все, в общем-то, однозначно говорят о том, что существующие процедуры банкротства они, ну, практически никого не удовлетворяют с точки зрения результата.

И сегодня у нас "круглый стол" на фоне таком информационном, потому что, я думаю, вы знаете, что сегодня озвучили новую статистику за последние три месяца, согласно которой, по сравнению с прошлым годом количество банкротств увеличилось на более чем 12 процентов. И с июля по сентябрь у нас в стране произошло 3 тысячи 227 банкротств юридических лиц.

При этом мы с вами прекрасно понимаем, что количество таких процедур оздоровления проходит в общем количестве банкротств, это минимум до 2 процентов в лучшем случае доходит. И это при том, что в целом ряде стран мы видим статистику, что количество оздоровлений иногда может доходить до 30 процентов, то, что нам, в общем-то, нужно в результате достигнуть.

И если мы говорим о банкротстве физических лиц, то на сегодняшний день тоже это не очень популярная процедура. И из 700 тысяч почти граждан, которые находятся по факту в состоянии таком предбанкротном, то есть имеют просроченную задолженность более трёх месяцев и сумма эта задолженности более 500 тысяч рублей, за два года то, что у нас работает процедура банкротства физических лиц, этой процедурой воспользовалось порядка 40 тысяч. То есть мы видим, что тоже эта процедура не востребована.

У нас на сегодняшний день находится несколько законопроектов в Государственной Думе.

Это, прежде всего, законопроект "О внесении изменений в статью 26 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в части определения размера вознаграждения арбитражного управляющего и очень важный проект федерального закона "О внесении изменений в закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц.

Надо сказать, что второй вот законопроект многие ждали и много было копий сломано на этапе его рождения, но по факту мы видим на сегодняшний день, что он такой стал достаточно прилизанный, и ожидать пока на сегодняшний день каких-либо революций или таких глобальных изменений в подходах к процедуре банкротства не приходится, если мы, конечно, ко второму чтению не поработаем существенно над текстом законопроекта.

Я считаю, что, конечно же, мы сегодня должны обсудить те меры, которые нам необходимо предпринять для того, чтобы процедура банкротства у нас всё-таки стала более, если мы говорим о юридических лицах, максимально, как бы это, созидательной что ли, назовём это так.

Если мы говорим о физических лицах, то, чтобы всё-таки она в большей степени носила социально-реабилитационный характер.

Мы с коллегами на прошлой неделе внесли соответствующий тоже законопроект, и надеемся, что тоже он получит поддержку в Государственной Думе.

Поэтому я предлагаю сегодня обсудить все эти вопросы, прежде всего, с позиции тех законопроектов и тех необходимых, может быть, изменений в законодательстве, которые нам предстоит в ближайшее время рассмотреть. И давайте, мы постараемся уложиться где-нибудь в полтора часа.

И предлагаю, Екатерина Андреевна, 40-я, исполняющий обязанности директора Департамента финансово-банковской деятельности и инвестиционного развития Минэкономразвития.

Екатерина Андреевна, Минэк, в общем-то, традиционно один из..., ну, такое ведомство, которое по идее должно определять все векторы и стратегии в области банкротства.

Мы как-то уже общались на заседании нашего комитета, знаем, что много инициатив, много подходов, но тогда мы обращали внимание, что те цели, которые ставит на сегодняшний Минэк, они недостаточно амбициозные с точки зрения перехода к процедуре все-таки оздоровления. Что сегодня Минэк предлагает, какие взгляды? Пожалуйста, вам слово.

Сороковая Е.А. Николай Петрович, спасибо большое.

Добрый день, коллеги. Но скорее скажу в формате, наверное, вступительного слова, потому что сегодня, мне кажется, гораздо важнее послушать всех, кто собрался здесь, и хотелось бы вас отдельно поблагодарить за то, что вы на своей площадке, на площадке комитета собрали такое важное

мероприятие, потому что, мне кажется, основной законопроект, о котором мы говорили, про структуризацию, он как раз в той стадии, в которой остро требуется выслушать всех, обработать эти позиции и доработать законопроект с тем, чтобы, как говорится, он стал более амбициозным.

Но что касается реструктуризации, то все знают, что он был подготовлен во исполнение поручения президента и призван решать те проблемы, которые назрели уже давно в сфере банкротства. Он есть в том базовом виде, в котором он сейчас представлен и мы готовы, конечно же, работать над ним, и будем это делать, поэтому я буду благодарна сегодня всем, кто выскажется, кто выскажет свое мнение по теме этого законопроекта и мы будем стараться дорабатывать таким образом, чтобы он действительно решал те проблемы, которые призван решать. Поэтому спасибо большое, я буду рада услышать всех сегодня, не буду занимать время.

Председательствующий. Екатерина Андреевна, тем не менее скажите, вот на сегодняшний день Правительство Российской Федерации какую перед собой ставит цель с точки зрения достижения доли оздоровления в общем количестве банкротств.

Сороковая Е.А. Михаил, возьми слово, пожалуйста.

Бештоев М.В. Спасибо большое за приглашение.

Действительно мы видим, что если сравнивать данные статистики Российской Федерации банкротств со статистикой стран, где реструктуризация более развита как и реабилитационная процедура, мы видим, что реабилитационных процедур у нас очень мало. Если, как вы правильно отметили, в отдельных странах процент может достигать 30, то у нас это порядка 3-4 процентов.

Председательствующий. Решительной рукой, Михаил Владимирович, спасибо.

Бештоев М.В. Подготовленная нами редакция законопроекта о реструктуризации как раз направлена на усиление реабилитационной составляющей закона о банкротстве. Но надо понимать, что чрезмерные перекосы, слишком резкое изменение баланса интересов, наверное, тоже не совсем целесообразно, движение должно быть постепенным, именно поэтому нами была подготовлена вот такая компромиссная редакция закона, в которой были учтены практически все замечания, которые к нам поступали заинтересованных участников этого процесса. Я бы не хотел называть точных цифр, потому что не все зависит от самого закона, предусмотреть все невозможно на начальной стадии, многое будет зависеть от правоприменительной практики, которая сложится по результатам использования этих норм. Но мы думаем, что в любом случае процент реабилитационных процедур должен увеличиться в результате принятия этого

закона и увеличиться немало, на мой взгляд, точных цифр не хотелось бы называть.

Председательствующий. Но вот это жалко очень, потому что, конечно же, если все-таки мы приходим к какому-то регулированию, то надо иметь конечную цель, для чего мы это делаем. Хорошо, спасибо.

Анатолий Геннадьевич Аксаков, председатель Комитета по финансовому рынку. Анатолий Геннадьевич, пожалуйста.

Аксаков А.Г. Николай Петрович, спасибо.

Тема действительно очень важная, актуальная, я бы сказал, в настоящей непростой экономической ситуации. Несмотря на то, что мы сейчас выходим из кризиса, начал наблюдаться небольшой экономический рост, но при этом мы видим, что многие наши организации находятся в тяжелом финансовом положении, причем многие из этих организаций имеют стратегическое значение для экономики и очевидно нам важно сохранить эти предприятия, но их сохранять тяжело, поскольку огромная кредиторская задолженность перед финансовыми институтами, перед поставщиками не позволяет им успешно работать, да и заказчики я думаю, с опаской относятся к тому чтобы размещать свои заказы на предприятиях, которые в любой момент могут уйти с рынка и не выполнить обязательства, потому что опять же огромные обязательства, которые не позволяют приобретать оборотку, платить заработную плату и так далее.

Поэтому нам, конечно, надо решительно, на мой взгляд, решительно поменять банкротное законодательство с тем, чтобы оно работало на сохранение бизнесов, но при этом устраняло неэффективных собственников. И, на мой взгляд, вот этот законопроект задачу не решает. Мы на комитете, мы соисполнители рассмотрели этот проект закона. Мы его поддержали концептуально, поскольку цель сохранения бизнесов реструктуризация долгов, продолжение деятельности эффективных производств это абсолютно правильная идея и мы цель поддержали.

Но исполнение, на мой взгляд, требует существенной корректировки. Причём, на мой взгляд, этот законопроект продолжниковский, а не прокредиторский. Должники, которые собственники, менеджмент. Довели предприятие до банкротного состояния, ещё получают возможность очень сильно влиять на ситуацию с конкурсным производством на дальнейшую работу этого бизнеса. Вот надо тщательно посмотреть, Николай Петрович. Мы готовы подключиться с тем, чтобы вычислить возможности вот такой ситуации.

Могу сказать, я депутат от Чувашии. Концерн тракторного завода зарегистрирован в Чебоксарах. Больше 20 тысяч человек. 85 миллиардов долгов. Очевидно, предприятие расплатиться с этими долгами не может. Но при этом масса производств, в том числе связанных с оборонно-промышленным комплексом нужны нашей экономике, нужны для выполнения

государственных задач. Есть производство, связанное с сельхозтехникой, с производством тяжёлых тракторов, которые можно было бы использовать для дорожного строительства, для наших сырьевиков. Но всё это не работает, по крайней мере неэффективно работает, потому что вот эти 75 миллиардов висят ... на предприятии.

Несколько было заходов по реструктуризации долгов. Там главный кредитор Внешэкономбанк. Ничего не срабатывает, потому что долги куда-то надо девать. Их надо списывать фактически. И вот этот закон я надеюсь, как раз позволит такие задачи решать, но при этом опять же собственников надо решительно отодвигать от всего процесса. Должны приходиться антикризисные управляющие и эффективно работать.

Ещё одно пожелание. Мы приняли в первом чтении закон о ... кредитовании. Мы его сейчас уже в ближайшее время, очевидно, будем выносить на второе, третье чтение. Допускаю, что это произойдёт даже вот в ноябрьские дни. Скорее всего, даже в ноябре мы его примем. Что такое предбанкротное предприятие. Это фактически, кто там должен решать вопрос? Синдикат кредиторов и поэтому, на мой взгляд, очень важно как раз скоррелировать два закона, связать их между собой. Потому что то, что мы прописываем в законе о синдицированном кредитовании, на мой взгляд, в значительной степени надо перебросить в этот законопроект с тем, чтобы все правила работы этого синдиката кредиторов, они коррелировали и позволяли эффективно работать для вывода предприятия из той ситуации, в которой оно оказалось. Будем работать, Николай Петрович. Будем взаимодействовать. Но концептуально как я уже сказал, мы законопроект поддержали.

Председательствующий. Спасибо большое.

Здесь действительно всегда очень много нюансов, потому что даже по тем направлениям, по которым сейчас работает Государственная Дума, мы должны не только общие подходы определить, но и различные нюансы по разным направлениям. Например, финансовые организации требуют сейчас и санации страховых компаний. Внесён законопроект и мы сейчас работаем очень серьёзно над решением проблемы обманутых дольщиков. Внесены соответствующие поправки в процедуру банкротства застройщиков. Это тоже отдельная специфическая тема. Но у нас тем не менее чаще всего когда речь идёт о банкротстве, наиболее заинтересованным, одной из самых заинтересованных сторон является государство в лице Федеральной налоговой службы.

Поэтому я хотел бы предоставить слово Константину Николаевичу Чекмышеву. Чекмышеву, извините. Начальнику управления обеспечения процедур банкротства ФНС России.

Чекмышев К.Н. Спасибо, Николай Петрович.

Мы действительно очень заинтересованы в эффективном банкротстве, поскольку представляя интересы государства, мы представляем интересы фискального органа и, по сути, являемся одним из крупнейших кредиторов в процедуре банкротства, с совершенно понятной целью: сделать их экономически эффективными для государства с точки зрения выполнения бюджета. И говоря о реструктуризации, говоря об ее принципе и сущности, о ее предназначении как способе вывода бизнеса из кризиса и, собственно говоря, с главной целью – сделать его платежеспособным, мы абсолютно поддерживаем концепцию продвижения к этой главной цели – сделать так, чтобы бизнес, наконец-то, начал платить долги, тот бизнес, который платить эти долги перестал.

Но при этом хочется отметить один очень важный аспект, который касается того, чтобы реструктуризация реально заработала. Мы поддерживаем концепцию законопроекта, мы это сделали в своё время, и в том числе на предыдущем нашем совещании, которое тоже под вашим руководством в этих стенах было. И я точно так же отмечал то, что главное для жизнеспособности реструктуризации – это наличие мотивационных вещей, которые должны действительно толкнуть кредиторов и должника к тому, чтобы всё-таки эти процедуры вводились.

А главная мотивационная вещь – это ситуация, в которой по-другому просто пойти нельзя. Если ты пойдёшь по-другому, значит, это будет для тебя экономически нецелесообразно. Трудно представить себе эффективного кредитора, который действительно сейчас хочет банкротства должника.

Почему? Потому что упрямые цифры говорят то, что фактически названная с точки зрения теории права прокредиторская процедура банкротства, которая у нас сейчас есть, на самом деле в практике правоприменения рождается... вырождается в абсолютно другую процедуру, получается некое кривое зеркало и у нас процедура становится продолжниковской, то есть, по сути, у нас 70 процентов процедур кончается ничем для кредиторов, более того, согласно вот последним данным, которые я услышал, у нас даже на сами процедуры банкротства расходы не погашаются, у нас до 50 процентов только вознаграждения даже арбитражным управляющим погашаются. Это говорит о том, что, на самом деле, процедура банкротства является эффективной сейчас только для должника, для той команды, которая, собственно говоря, уже довела предприятие до краха, то есть они просто списывают долги.

И пока не будет мотивации, существенной мотивации вот такой команде гасить всё-таки долги, искать способы, найти договорённость с кредиторами, наверное, говорить о том, что они сами будут стремиться к реструктуризации, нельзя.

Большой проблемой здесь мы видим отсутствие значимой какой-то, существенной резистентности нашего закона о банкротстве к злоупотреблениям. И, на самом деле, направлений здесь много, я хотел бы отметить только два направления, которые, с нашей точки зрения, действительно, могут при их решении существенно снизить мотивацию должника входить в процедуру банкротства.

Первое. Это практически беспрепятственная возможность наполнения реестра требований кредиторов эффективными требованиями. И эффективными требованиями, и требованиями по дружественной задолженности, в результате которой собственник должника, группа лиц при должной подготовке, так скажем, к банкротству, продолжает контролировать процедуру банкротства и уже после того даже, как назначен арбитражный управляющий. И связанная с этим проблема - это проблема до сих пор у нас зависимого назначения арбитражного управляющего. Это первая процедура, первая проблема, когда арбитражный управляющий назначается первым кредитором, который пришел в суд, собственно говоря, это влечёт и то, что у нас процедура банкротства-то является для всех приоритетной с точки зрения первичной подачи заявления, потому что кто первый прибежал в суд, тот назначает арбитражного управляющего, значит, все будут мотивированы быстрее идти в суд, а не пытаться договариваться.

И вторая проблема – это в принципе зависимое назначение арбитражного управляющего кем-либо, кроме, собственно говоря, суда либо выбора его независимо, исходя из экономических критериев его деятельности.

Когда арбитражный управляющий всё-таки назначается конкретным лицом либо группой лиц, то говорить о его абсолютной независимости или беспристрастности, к сожалению, наверно, не приходится.

Если будут решены основные проблемы, которые вводят процедуру банкротства сейчас в некий контролируемый статус, когда мы видим, что большинство сущностных процедур банкротства – это те процедуры, где действительно есть активы у должников, они идут по двум направлениям – это либо вывод активов либо в пользу тех же лиц, которые до этого были собственниками, а я согласен с Анатолием Геннадьевичем, что это абсолютно, наверно, с точки зрения экономики, безграмотно позволять тем же лицам, которые уже довели предприятие до краха, продолжать заниматься этим же бизнесом.

Либо ведение очень длительной процедуры банкротства просто для того, чтобы получать неконкурентное преимущество от самого факта нахождения в банкротстве. Потому что мы видим, что предприятия, множество предприятий, которые находятся в процедуре банкротства, мало того, что не устраняют тот вред, который уже причинили кредиторам невыплатой долгов, они генерируют

новые долги, пользуясь тем, что фактически защищены и имеют иммунитет от взыскания текущих платежей.

И мы видим, что сумма уже задолженности по текущим платежам она иногда превышает даже сумму задолженности, которая была сгенерирована до банкротства. То есть мы видим уникальную ситуацию. Предприятие-банкрот ведёт производственную деятельность, рядом стоит такое же предприятие не банкрот, предприятие-банкрот не платит долги и тем самым получает конкурентное преимущество, а добросовестные предприятия платят долги, в том числе, и налоги, не получают их, что абсолютно опять же говорит о том, что банкротство до сих пор, к сожалению, экономически выгодно.

И пока мы не решим проблему вот этой экономической выгоды для недобросовестных лиц процедуры банкротства, наверное, нельзя говорить о том, что процедура реструктуризации и любого финансового оздоровления станет выгодной, в том числе, и для всех участников процесса.

Спасибо.

Председательствующий. Константин Николаевич, вот если обратиться к тому проекту закона, который был внесён в августе, и вот мы на следующей неделе планируем его рассматривать на комитете, конечно, пригласим всех заинтересованных сторон, но тем не менее вот какие недостатки вы видите именно в этом законопроекте, что называется по пунктам и что вы считаете нужно доработать, чтобы, ну, соответственно, эти недостатки нивелировать?

Чекмышев К.Н. Ну, недостатки они, наверное, связаны как раз с теми проблемами, о которых я сказал.

Я бы очень существенно, наверное, поразмыслил над тем, каким образом снизить влияние аффилированных и эффективных кредиторов в принципе на формирование реестра требований кредиторов и на принятие решений, которое осуществляется на собрании кредиторов, вплоть до полного иммунитета решений собрания кредиторов к мнению таких аффилированных кредиторов.

Второе. Это действительно принять уже, наверное, может быть, такое очень радикальное решение с точки зрения изменения процедуры выбора арбитражного управляющего. Если мы хотим, и мы говорим о том, что вместо менеджмента предприятий у нас действительно приходит грамотный, эффективный, экономически эффективный в первую очередь независимый менеджер, мы должны быть уверены и в экономической эффективности, и во вне зависимости этого менеджера, иначе любая процедура, в том числе, и финансового оздоровления она превратится всё в ту же, либо, собственно говоря, процедуру недобросовестного причинения вреда кредиторам, либо просто в экономически неэффективную процедуру.

Ну, и третье. Те в принципе наработки, которые сейчас уже есть в законопроекте по преодолению в ряде случаев, в большинстве случаев неэффективной процедуры наблюдения, они тоже требуют дальнейшей

доработки. В принципе эта идея она абсолютно здравая, она, наверное, уже давно в принципе для всех являлась совершенно очевидной. Но с точки зрения юридических процедур, как это должно происходить, на основании каких документов и кто должен принимать в какие сроки решение, наверное, нужно очень серьёзно поработать, чтобы это было действительно работоспособным, а чтобы не преодолевалось путём того, что суд скажет: у меня нет оснований просто сейчас... просто нет документов для того, чтобы выносить какое-то понятное решение.

Председательствующий. А какая процедура назначения арбитражных управляющих должна быть, с вашей точки зрения?

Чекмышев К.Н. С нашей точки зрения, она должна быть абсолютно независимой и основанной на экономической эффективности. То есть тот, кто уже доказал, тот арбитражный управляющий, та саморегулируемая организация, которая доказала экономическую эффективность до этого уже в проведённых процедурах, те и должны иметь приоритет при назначении.

И понятно, что должен, наверное, существовать некий микс и экономической эффективности, и в то же время исходя из принципа randomize, случайного выбора.

Председательствующий. Спасибо большое.

Ну, давайте ещё в этом случае как раз у Константина Николаевича прозвучали разные стороны, необходимость регулирования деятельности разных сторон, которые заинтересованы и участвуют в процедуре банкротства. Давайте тогда их и спросим, и арбитражных управляющих, и, собственно говоря, те структуры, которые представляют интересы сотрудников.

Я хотел предоставить слово Дмитрию Валерьевичу Скрипичникову - председателю совета Российского союза СРО арбитражных управляющих. Такая...

Мы сейчас имеем возможность очень существенно реформировать вообще и деятельность, и подходы к деятельности арбитражных управляющих. А как само-то сообщество смотрит на это?

Скрипичников Д.В. Вот как раз продолжая то, что начал Константин Николаевич, хочу сказать, что, да, мы согласны, что, по-моему, после уже 15 лет работы института в том виде, в котором он был в 2002 году, с незначительными, по сути, изменениями, без обеспечения качественной работы арбитражных управляющих, вот эта вся идеология реструктуризации, она невозможна.

А что нужно, чтобы обеспечить их качественную работу? Но тут надо пройти по всем элементам системы, которая связана с их работой – это, прежде всего, вход в профессию, то есть это и образовательные требования, и квалификационные требования, требования к опыту. Дальше перейти к их полномочиям, потому что сейчас явно те полномочия, которые есть, не

позволяют арбитражным управляющим работать независимо. И он не может обеспечить тех задач, которые к нему ставит государство, кредиторы, общество, должник. Он, по сути, зависимая сторона, поэтому нам нужно сделать такие полномочия, которые сделают его независимым в процессе, и которые позволят ему заниматься той конечной целью, независимо от интересов, может быть, отдельных сторон бывшего менеджмента должника, которые сейчас могут заваливать его жалобами, чтобы он мог эффективно находить и возвращать имущество, не давая его скрывать. Соответственно, эти полномочия все должны быть системно пересмотрены.

Дальше, нам требуется пересмотреть и надзор за деятельностью управляющего. Та система саморегулирования, которая была построена 15 лет назад, она... Уже объективно назрели изменения, они идут в разных сферах – аудиторы меняются, оценщики меняются, нотариусы меняются, адвокатура планирует измениться, много профессий, которые уже много лет регулируются, планируют измениться с учетом текущих реалий, уже изменяющегося права, изменяющихся подходов к контролю, надзору. В этом плане везде идёт системная работа. И назрела необходимость и в этой части пересмотреть то, как устроена система саморегулирования, контроля, надзора от нижнего элемента – арбитражных управляющих, до самого верхнего – функций уполномоченного национального объединения в этом процессе, потому что то, что есть сейчас, с одной стороны, не позволяет эффективно обеспечивать независимость, эффективно мониторить и эффективно контролировать.

А дальше мы, соответственно, должны перейти к вопросам вознаграждения, потому что, когда мы пересмотрим всё это, мы понимаем, что мы в профессии ожидаем не просто случайных людей, которые часто там встречаются, исходя из того, что сейчас есть, а реально качественных и эффективных менеджеров, которые должны работать не подчиняясь, а кооперируя, причём не только с одной стороной, а со всеми сторонами, имея свою цель, свои KPI, как это сейчас принято говорить, KPI, который независимо от конкретных может быть и субъективных интересов отдельных кредиторов, должника, менеджмента, контролирующих лиц, их цель должна быть выведена из возможности влияния этих сторон, поэтому нам нужно после этого и перейти к системному пересмотру вознаграждения.

Всё это целиком позволит нам изменить систему и назначения арбитражных управляющих, когда мы поймём, что он является реально независимым, и кредиторы не должны влиять. Я согласен с Константином Николаевичем, что в лучших юрисдикциях идут по пути того, чтобы кредиторы не влияли, должник не влиял. Но когда мы обеспечили очень качественный пул, из которого отбираются, рейтингуются, выбираются случайным образом, мы должны понимать, что в этом пуле работают качественные профессионалы, у которых есть правильное вознаграждение, правильные полномочия,

правильный надзор. И все эти позиции... Без этих всех позиций работа законопроекта о реструктуризации невозможна, потому что изменяя лишь форму, мы не изменим содержание.

Да, безусловно, Анатолий Геннадьевич правильно сказал про работу на синдикат, и союз тоже участвует в этой работе и будет смотреть и в тот законопроект, и часть предложений уже направил в комитет, часть направит в ближайшее время, уже по тем поправкам ко второму чтению. Безусловно, там тоже должны найти отражение, и в законопроекте о реструктуризации найти отражение те положения, которые связаны с синдикацией. Но, на мой взгляд... Я, безусловно, согласен, что вопросы эффективных требований, вопросы участия третьих лиц в процессе, которые сейчас ничем не регулируются, которые мешают деятельности, тоже требуют регулирования, но вот корневое, сутевое наполнение всего этого – это фигура того профессионала, который работает, и вот те позиции, которые, я считаю, и сообщество тоже считает, должны быть изменены. Спасибо.

Готов ответить на вопросы.

Председательствующий. Дмитрий Валерьевич, а вот тот законопроект, который у нас сейчас рассматривается, в части изменения как раз вознаграждения арбитражных управляющих, то есть правильно я понимаю, что концептуально вы его поддерживаете.

Скрипичников Д.В. Нет, мы как концептуально, я и на комитете говорил, когда выступал, и пошло почему-то неправильное понимание, мы говорим о том, что проблема есть, и концептуально мы согласны с наличием проблемы, связанной с вознаграждением, оно давно не менялось, оно не отвечает реальностям. Арбитражным управляющим ставят одни задачи, а вознаграждение этому не соответствует. Но те подходы, заложенные в нём, они в принципе не ориентированы на то, чтобы стимулировать приход в профессию качественных управляющих.

Там одна единственная узкая цель отдельных кредиторов, наоборот, только и просто сократить независимо от результата работы деятельности. Она прямая, она чёткая. Там никакой системы изменения, которая в русле того, что я назвал раньше, нет, и поэтому он является базой поднятым правительством вопросам, связанным с тем, что правительство недоволено тем как работают управляющие. Но не тем методом решения, который позволит добиться той цели, которую ставит правительство. Именно повысить эффективность.

Председательствующий. А какой метод вы предлагаете?

Скрипичников Д.В. Вот именно комплексные изменения, которые связаны...

Председательствующий. Вы знаете, вот комплексные изменения...

Скрипичников Д.В. Это поправки в закон о банкротстве, которые мы готовим. Мы их предложим. Мы на самом деле с учётом тоже обсуждения по

итогам комитета готовы будем смотреть конкретный перечень норм, которые я назвал, и по тем направлениям, которые я назвал. Они будут затрагивать всё от полномочий до входа, до контроля, до системы саморегулирования. По сути это то, о чём я тогда и говорил. Именно это и там же будет положение о вознаграждении.

Председательствующий. Но вы его сейчас не сможете.

Скрипичников Д.В. Сейчас презентовать. Я хочу... Это называется финальное обсуждение. Я назвал...

Председательствующий. Спасибо большое.

Но я хотел обратить внимание на самом деле, что у нас во всяком случае это моё субъективное мнение такое, что чаще всего когда мы обсуждаем и мы не первый раз, что называется, подходим к этому снаряду, к банкротству. Очень мало людей, которые довольны вообще существующей ситуацией. Но у нас ещё меньше абсолютно конкретных системных предложений. К сожалению, это есть. Поэтому я хотел бы предложить всем не только говорить на вот такие вот общие вещи. Мы все с ними согласны. Но и конкретные меры. Вот конкретные меры, они нам как законодателям исключительно важны с точки зрения именно мнения участников рынка. Потому что именно на таких конкретных примерах и предложениях мы сможем более эффективно строить свою работу.

Я хотел предложить Роману Алексеевичу Страхову, начальнику управления Роструда взять слово с точки зрения как раз защиты прав работников в процедуре банкротства. Пожалуйста.

Страхов Р.А. Спасибо большое, Николай Петрович.

Уважаемые коллеги, Федеральная служба по труду и занятости несомненно поддерживает инициативы по совершенствованию законодательства о несостоятельности банкротства. В настоящее время Рострудом проводится системная работа по обеспечению выплаты работникам заработной платы.

В отличие от предыдущих выступающих, я бы немножко привёл бы цифры, которые характеризуют сферу нашей деятельности по обеспечению полноты и своевременности заработной платы. По данным Федеральной службы государственной статистики на 1 октября 2017 года общая сумма задолженности по заработной плате составляет более 3 миллиардов рублей. Из общей суммы просроченной задолженности по заработной плате задолженность организаций, находящихся в стадии банкротства, на 1 октября 2017 года составила 859 миллионов рублей.

Таким образом, видно и очевидно, что проблема с обеспечением полноты и своевременности выплаты заработной платы работникам, организациям, находящимся в стадии банкротства, является основной. И что касается действующего законодательства, сегодня законом о несостоятельности

банкротства предусмотрено приоритетное удовлетворение требований работников по оплате труда.

В частности, в настоящее время заработная плата подлежит удовлетворению во второй очереди. Но вместе с тем, если оставшихся у работодателя денежных средств и имущества не хватает для погашения долгов перед работниками, действующий закон о несостоятельности банкротства признаёт эти долги погашенными из-за недостаточности имущества должника, что делает получение заработной платы при банкротстве серьёзной проблемой для работников и для бывших работников. В этой связи в рамках исполнения поручений Правительства Российской Федерации Министерством труда Российской Федерации и Рострудом подготовлены системные изменения в закон о несостоятельности банкротстве, а также в 855-ю статью Гражданского кодекса, которая в настоящее время проходит межведомственные согласования.

Мы полагаем, что изменения, которые предлагается внести в законодательство, регулирующие вопросы несостоятельности банкротства, позволит обеспечить полноту и своевременность выплаты работникам заработной платы и урегулировать те вопросы, которые в настоящее время имеют место быть.

Спасибо.

Председательствующий. Спасибо.

Здесь такая всегда тонкая очень материя. Потому что, когда понимаешь, действительно работники, они находятся в уязвленном таком состоянии. Но высший менеджмент - это же тоже работники. Вот каким образом Роструд здесь подходит к дифференциации, а может быть, к отсутствию дифференциации вот именно работников, с точки зрения выделения менеджмента и сотрудников рядовых?

Страхов Р.А. Николай Петрович, прежде всего, мы ориентируемся на обеспечение соблюдения трудового законодательства. Трудовое законодательство распространяется, прежде всего, на всех работников, независимо от занимаемых ими должностей. Если у работодателя перед работником имеется задолженность по заработной плате, то мы применяем необходимые меры реагирования, в частности, выдаем обязательные для исполнения предписания, которые работодатель обязан рассмотреть и исполнить в установленный законом срок.

Таким образом, мы обеспечиваем защиту прав работников.

Председательствующий. То есть у вас подходы и вообще мнение относительно дифференциации подходов к работникам: менеджмент, высшее руководство, сотрудники нет?

Страхов Р.А. Действующее законодательство не разделяет работников на высший менеджмент и на остальных работников.

Председательствующий. Но вы считаете, это правильно?

Страхов Р.А. Нет. При этом я бы хотел отметить, что, прежде всего, необходимо приоритет отдавать тем работникам, которые не входят в группу управления организации, потому что до банкротства, прежде всего, по нашему мнению, доводит неэффективность управления предприятия. Поэтому, мы считаем, что, прежде всего, необходимо обеспечивать выплату заработной платы работникам, которые не входят в руководство организации банкрота.

Председательствующий. В ваших предложениях это есть?

Страхов Р.А. На сегодняшний день они прорабатываются эти вопросы, и несомненно, мы этот вопрос тоже намерены урегулировать.

Председательствующий. Спасибо большое.

Михаил Евгеньевич Бугера, член Комитета по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям. Михаил Евгеньевич, вы у нас традиционно в комитете ведете эту тему о банкротстве. Вот, на ваш взгляд, на что мы должны, прежде всего, обратить внимание из того, что мы сейчас слышим.

Бугера М.Е. Спасибо, Николай Петрович.

Прежде всего, несколько слов о том законопроекте, который внесен правительством и скоро будет рассматриваться в первом чтении.

Законопроект неплохой. Но тем не менее всё-таки, если проводить исторические параллели, ситуация напоминает то, что в свое время было с попытками спасти геоцентрическую систему Птолемея. Как вы помните, там земля находила в центре, и планеты вращались вокруг нее по круговым орбитам. Но, когда накапливались какие-то противоречия в этой системе, то к этой круговой орбите пририсовывался, так называемый, эксцентриситет, который на какое-то время устранял противоречие с наблюдательными данными, потом опять накапливались эти противоречия, к этому эксцентриситету прикручивался ещё один и так далее, и так далее и так далее.

И всё-таки, хотя, здесь уже прозвучало, что, может быть, какие-то революции и не нужны, но, кажется, что достаточно серьезные изменения в подходе необходимы.

И вот мне очень понравилось словосочетание, которое Чепнышев Константин Николаевич употребил, экономически-эффективный менеджер. Кто приведет такого экономически-эффективного менеджера? Понятно, что должник его не приведет. Собственник, который довел со своей командой управленцев неэффективных менеджеров до банкротства, понятное дело, из себя не сможет исторгнуть экономически эффективного менеджера. Кредитор приведет такого? Тоже сомнительно. Кредитор заинтересован в том, чтобы вернуть себе вложенные в предприятие банкрот в том или в ином виде средства. Как это произойдет, кредитора мало интересует, главное побыстрее и очень часто путем изъятия самого ценного актива из предприятия, то есть через окончательное добивание предприятия-банкрота.

И мне кажется, что перспективный путь наметился в последнее время в банковской сфере. Вот те подходы, которые сейчас Центробанк начал применять к прилѣгшим банкам, вот как, например, в случае с банком "Открытие", мне кажется, это перспективный подход и в сфере банкротства предприятий и других отраслей, не только банковских.

Мне кажется, что государство как наиболее заинтересованный субъект в продолжение работы предприятий, могло бы взять на себя функцию по созданию, если можно так выразиться, кадрового резерва, эффективных, экономически эффективных управленцев, разработав соответствующие критерии этой эффективности.

Кстати, периодически в законодательство о банкротстве предлагается включить пункты о том, что арбитражный управляющий должен не только быть там хорошим юристом, финансистом, но и желательно, чтобы он был специалистом и имел опыт работы в той или иной конкретной отрасли, к которой относится банкротящееся предприятие.

Но все эти попытки до сих пор как-то не находили поддержки. Ну, и действительно в той схеме банкротства, которая сейчас действует, принята, эти требования к арбитражному управляющему, в общем-то, действительно представляются излишними.

Но вот если сдвинуть подход, сделать упор на экономически эффективного менеджера, то, наверное, здесь это уже приобретает достаточно серьезный смысл.

Вот поэтому, хотя и я тоже не сторонник каких-то... лично не сторонник революционных перемен, но серьезный перенос центра тяжести вот в сфере банкротства, может быть вступление в эту сферу государства уже не как стороннего наблюдателя, а как реального игрока, может быть продуктивно.

Спасибо.

Председательствующий. Спасибо большое.

А я сейчас понял к стыду своему, что я не знаю, а где у нас готовят арбитражных управляющих?

_____. Нигде.

_____. Вообще-то, отдельного такого прямо профессионального требования нет, чтобы быть арбитражным управляющим, ты можешь быть с высшим образованием, дальше ты можешь отучиться, сдать некий экзамен, который принимается госорганом, ну, то есть не самим сообществом, как уже принято там какой-нибудь серьезный экзамен, а госорган, плюс с участием. И всё. Некий, да, некий экзамен. Там сообщество от этого, к этому экзамену не имеет отношения такого прямого как в зарубежных юрисдикциях общество...

Председательствующий. А мы считаем это правильно, нам нужны профессиональные арбитражные...?

_____. Ну, мы считаем, Николай Петрович, что да, я об этом сказал.

Председательствующий. Хорошо.

Спасибо большое.

Андрей Валерьевич Андрейченко. Тоже член нашего комитета. Представляет фракцию ЛДПР.

Андрей Валерьевич, пожалуйста.

Андрейченко А.В. Спасибо, Николай Петрович.

Ну, много говорилось, правильно говорилось, хотелось бы акцентировать ряд вопросов на как бы таких моментах, которые, по-моему, актуальны. В частности, об этом скажу чуть больше, в том законе, который предлагает Николай Петрович, мы его тоже всячески поддерживаем, например, говорится о простых обычных людях.

Вот сегодня мы говорили, только в плане, когда Иван Васильевич затронул выплату заработной платы, вот тогда мы о них заговорили, а так мы сегодня о них не говорили, всё-таки говорили о бизнесе. Ну, это понятно, всё важно. Ну, вот у нас по данным статистики, даже официальной статистики, 600 тысяч человек находятся, ну, по сути, в предбанкротном состоянии. Ну... Сколько?

Председательствующий. Почти 700.

Андрейченко А.В. Ну, почти 700. Да, то есть огромное количество.

И вот как раз закон, который Николай Петрович и предлагает, он важен в том плане, что он очень много хорошего привносит именно в этой связи.

Но сначала бы хотел остановиться на том, что уже говорилось. Всё правильно, но нам надо определиться с приоритетами. То есть всё-таки чего мы хотим добиться реформой законодательства, которой уже 15 лет?

Как я понимаю, это то, чтобы деньги возвращались кредиторам, то есть тем, кто непосредственно предоставил денежные средства, а потом их не получим.

По статистике Единого государственного реестра и сведений о банкротстве за последние три года, удовлетворение требований кредиторов не проводилось в 68 процентах случаях. 68. То есть, ну, по-моему, это чудовищная статистика, когда почти 70 процентов не удовлетворяется.

И здесь есть целый ряд моментов, которые надо отметить. Так, например, в настоящее время для подачи заявления о признании должника банкротом по общему правилу, необходимо, чтобы заявитель подтвердил свои требования, вступившие в законную силу решением суда. Это пункт 2 статьи 7 закона о банкротстве. Отсутствие такого решения является основанием для возвращения Арбитражным Судом заявления. То есть предполагается, что это должно способствовать цивилизованному процессу.

На самом деле такие вещи часто приводят к тому, что собственность, она уходит куда-то пока эти процедуры реализовываются. Также тот правоприменительный срок три месяца, когда подается и три месяца что-то

рассматривается, собственность, тем более что одним у нас кредиторам надо ждать три месяца непосредственно, а другим этого делать не надо. То есть, если мы говорим о государстве, например, и о частном лице, то здесь они в данном случае не равны, что тоже является, как мы понимаем, проблемой. Потому что должен всё-таки быть принцип равенства кредиторов, когда соответственно кредитная организация и уполномоченный орган по обязательным платежам предварительно в суд о банкротстве может не обращаться.

И, по сути, мы имеем, что есть некоторое неравенство. Вроде как все являются кредиторами, но одни кредиторы равнее других. Чуть Оруэлл не процитировал. То есть такого быть не должно. Должен всё-таки быть принцип равенства кредиторов, в любом случае.

Потом, тоже об этом много говорили, чтобы вот растаскивание имущества не допустить ещё что-нибудь, всё-таки сейчас у нас в законодательстве срок, когда человек подает на банкротство, и вот процедура оздоровления, про которую все говорили, он два года. На самом деле, если мы посмотрим на другие страны, вот тоже у меня есть статистика, то нормативным сроком финансового оздоровления в США, Испании, Бельгии пять лет является, во Франции десять. И зачастую мы понимаем, что предприятие доведено до такого состояния, что за два года вытащить его, чтобы всё-таки со всеми рассчитаться, практически невозможно. То есть, мне, например, представляется, что этот срок - 2 года всё-таки крайне мал.

Вот говорили про долги по зарплате, я представляю в Государственной Думе Приморский край. Приморский край, вот коллега не даст соврать, лидер по невыплате заработной платы в стране. Вот в частности есть завод "Радиоприбор", там сотни миллионов людям по заработной плате должны. То есть предприятие доведено до такого состояния, там эти вот два года они уже идут, и что будет дальше, ну, понятно, что никто ничего не получит.

Да, удалось там добиться того, что само предприятие, потому что оно оборонное предприятие, правда, ушло в частные руки, продается единым лотом, ну, то есть не происходит растаскивание, но, так или иначе, всё равно невыплата заработной платы действительно серьезная проблема.

А во Франции и в Латвии, например, вообще до десяти лет. То есть оздоровление для нас очень важно. Мы много говорим о конкурсном управлении, ещё о чем-то, но сейчас срок два года - это такой срок, когда практически невозможно всё-таки предприятие сохранить, что, я считаю, для нас всё-таки очень важным.

И ещё последнее, с чего я начал. Хотелось бы тоже привести цифры, что в первом квартале 2017 года зафиксировано 34645 дел о банкротстве физических лиц. Из них процедура реализации имущества 25692 и процедура реструктуризации задолженности почти 9 тысяч. То есть эти цифры говорят о чем? Эти цифры говорят о том, что процедура банкротства физических лиц -

это всё-таки, скорее, сейчас формальность, потому что, как поправил меня Николай Петрович, 700 тысяч, ну, у нас вот оценка, да, а процедура проходит только по такому количеству лиц.

Поэтому очень важным вот в этом законе, на мой взгляд, является то, что закрепляется судом право списывать долги граждан банкротов, у которых нет имущества для удовлетворения требования кредитора. Потому что, в любом случае, мы должны думать о людях, люди у нас очень сильно закредитованы, и как бы не вгонять их ещё дальше в то положение, в то состояние, в котором они, а всё-таки сохранять их, ну, и для экономики, как бы пафосное не звучало, а для жизни.

Поэтому об этом мало сегодня говорилось, но в законе это есть. И, я думаю, что это очень большой плюс, что именно этот закон, как бы пафосно опять сейчас не звучало, думает о людях.

Ну, и вот другие предложения тоже. Будем работать с поправками, смотреть. То есть, я думаю, что мы будем их вносить сейчас и по срокам, и по тому, что не все кредиторы одинаково равны. Тоже, на мой взгляд, принцип равенства кредиторов должен соблюдаться.

Спасибо.

Председательствующий. Спасибо большое.

Вы знаете, сейчас тоже вы говорили по поводу сроков. Ну, вот, с одной стороны, действительно по каким-то направлениям эти сроки короткие, с другой стороны, если мы говорим, например, о банкротстве застройщика, который участвует в долевым строительстве, то у нас сейчас, наоборот, все мысли о том, как бы убыстрить эту процедуру, потому что иначе у нас сотни и тысячу людей остается вот в таком подвешенном состоянии.

И, вы знаете, я думаю, когда такие вот предложения у нас разные звучат, действительно, не изобретаем ли мы свой велосипед часто? Я хотел попросить Рустема Тимуровича ..., доцента кафедры Московского государственного юридического университета имени Кутафина и судьи Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке. Я помню, когда мы обсуждали с вами все эти вопросы, у вас действительно очень серьезно и глубоко изучали, в том числе и иностранный опыт. К вопросу о изобретении велосипеда и о подходах, которые есть в разных странах и что ближе к нам. По какому пути мы движемся на сегодняшний день или у нас свой путь.

Мифтахутдинов Р.Т. Спасибо, Николай Петрович.

Спасибо за приглашение. Рад приветствовать всех участников "круглого стола". Но спасибо за возможность быть экспертом комитета Государственной Думы по собственности в части банкротства.

По вопросу велосипеда. Действительно, сегодня ситуация такова, что надо учитывать реалии как идёт законотворчество проекта. Поэтому надо, наверное, всё-таки идти своим путём. Все мы прекрасно понимаем, что взять

так перенести работающую модель целиком сегодня на российскую почву это вред ли возможно. Поэтому с 2015 года разрабатывался этот законопроект. С 2009-го, но в новой истории с 2015-го, когда фактически слово "реструктуризация" впервые появилось и всё это раньше. Понятно, что вопрос реструктуризации, он более давний. Но в новейшей истории с 2015 года и, конечно, законопроект очень сильно похудел.

Но сегодня концептуально законопроект, конечно, безусловно, нужно поддержать, потому что за то, что в нём есть возможность отмены процедуры наблюдения, то есть введение её как опции. Ему можно простить всё то, чего в нём нет... Поэтому в целом законопроект, конечно, заслуживает поддержки. Я бы вот хотел поддержать тех коллег, которые уже выступали и всех практически поточечно и вот резюмировать те болевые точки, которые я вижу, которые можно было бы добавить опять-таки не совершая революции, не меняя чего-то концептуального. Но то, что по крайней мере сегодня, на мой взгляд, возможно, может пройти.

Первое. Это пустить в проверку обоснованности требований по 48-й статье всех кредиторов. То есть сегодня главная проблема, почему должники действительно могут вводить процедуру очень легко и просто, что на первом проводить своих аффилированных кредиторов. Потому что на первом этапе практически некому возразить. Поэтому есть несколько вариантов здесь. Пустить туда кредиторов либо с уже подтверждёнными хотя бы актами, либо те ... , которые не вызывают возражений. То есть как у нас Верховный Суд в замечательном определении судьи ... использовал термин кредитора, чьи требования подтверждаются стандартными средствами ... . Банки, применительно к банкам такая терминология была использована. Но, я думаю, у нас много других кредиторов, чьи требования подтверждаются стандартными средствами доказывания.

По поводу того нужно ли судебный акт убрать как основание ... дела о банкротстве для других кредиторов не банков. Здесь, конечно, если в чистом виде это решение предлагать, такой принцип равенства, то есть опасность, что все будут вспоминать 98-й год. Закон 6-ФЗ, который прозвали рейдерским. Поэтому по крайней мере это можно сделать опять-таки для тех же кредиторов, у которых требования не вызывают опасения и запретить это делать для кредиторов, которые приобрели требования на основании договоров... Французский тоже опыт. Там кредиторам непрямым не дают право голоса, не давали по крайней мере до реформы 2005 года в процедуре наблюдения. По аффилированности полностью согласен с Константином Николаевичем. Здесь нет никаких сомнений, что что-то надо делать, но в первую очередь главная проблема это ввести, наверное, нормы о доказывании. То, что у нас уже есть положительный опыт принудительно к субсидиарной ответственности. И, на мой взгляд, надо убирать категорию лиц, участвующих в процессе.

Я думаю, никому из юристов непонятно, что это за категория лиц, участвующих в процессе, в делах о банкротстве, какие у них права и обязанности. На мой взгляд, должны быть только лица, участвующие в деле и ничего подобного. И здесь, конечно, надо расширять полномочия и менеджмента, и участников и давать им право голоса, а не просто, чтобы они были в непонятной ситуации – должны быть избрать одного представителя, который опять-таки лицо, участвующее в процессе, непонятно, что он может, что он не может.

И, наверное, надо сделать всё-таки "пряник" для добросовестных кредиторов. Понятно, что если мы будем только использовать кнут, то этому будут противодействовать и стараться выстроить определённую защиту.

Понятно, что такой серьёзный "пряник" как *redawn* тоже сегодня вряд ли политически пройдёт, но как первый шаг нужно сделать, хотя бы "пряник" – возможность должнику сохранять свой менеджмент, если он докажет, что действовал добросовестно, то есть если кредиторы принимают решение о введении процедуры реструктуризации, то должник, если, допустим, он докажет своё добросовестное поведение, свою экономическую эффективность, что банкротство возникло в результате объективных экономических причин, а не по вине менеджмента, то дать ему возможности продолжить заниматься своей компанией в процедуре реструктуризации. Конечно, под строгим наблюдением, конечно, под строгим контролем и, как показывает тот же зарубежный опыт из США, то есть не только арбитражный управляющий в этом случае может контролировать и становиться инсайдером, но и кредиторы, то есть, чтобы группа кредиторов выбирала своих инсайдеров, которые бы следили за тем, как добросовестный должник продолжает быть добросовестным.

Но по поводу работников тоже согласен с тем, что надо дифференцировать работников как менеджмент и работников обычных. И понятно, что все бонусы защиты прав работников в связи с трудовым законодательством, они выросли из фактически рабского отношения к работникам и защита была именно не руководителям дана трудовым правом, а вот обычным работягам. Поэтому, конечно, разделение здесь необходимо и важно. И положительный опыт уже есть, опять-таки в нашем праве есть, на что опереться – это банкротства банков. Но вообще вот у нас банкротства в ... момент, это банкротства банков, конечно. И там, допустим, топ-менеджеры банков с их зарплатой, они в более низкой очередности, чем иные кредиторы. И вот таким образом их тоже можно было бы понизить руководству, то есть тех, кто доводил до банкротства, если это доказано, почему их требования по зарплате должны не то, что конкурировать даже с обычными кредиторами, а быть при этом выше этих кредиторов.

Следующий момент. Это более сложный, конечно, вот здесь вопрос от сообщества арбитражных управляющих, это разделение специализаций

арбитражных управляющих, то есть, что же, если мы обратимся к опыту США, там ты определись – ты или конкурсный управляющий, ты ликвидатор хороший, коллектор и умеешь взыскивать и продавать хорошо, либо ты эффективный антикризисный менеджер. И вот это, мне кажется, помогло бы тоже. Мы могли бы воспитать пусть немного, пусть их не будет там целый легион или фронт, но, скажем так, точно те, кто мог бы работать эффективно в антикризисном управлении. Когда мы скажем, что вот вы можете заниматься только антикризисным управлением... и там сделать высокое вознаграждение, адекватное, чтобы арбитражному управляющему было экономически выгодно этим заниматься и чтобы он шёл в эту профессию, и вот такое разделение, мне кажется, оно бы очень сильно помогло.

По срокам установления требований. Тоже у нас сегодня, мне кажется, очень неправильно, с точки зрения опять-таки зрения того же самого конституционного принципа равенства, что кредиторы физического лица, даже предпринимателя, особенно индивидуального предпринимателя, они находятся в лучшем положении в части установления требований. Параграф закона о банкротстве в части, регулирующей банкротства граждан, говорит, что у кредиторов есть два месяца на включение в реестр для целей участия в первом собрании. Этот срок может быть восстановлен. В отношении юридических лиц у нас всего 30 дней, и судебная практика в большинстве из случаев идёт, что срок не восстанавливается, за исключением каких-то точечных индивидуальных подходов в ряде вопиющих случаев и моментов.

Но вот, пожалуй, наверное, что я вижу, то, что можно сделать сегодня, на сегодняшнем этапе, не совершая революции... каких-либо революций, не совершая кардинальных пересмотров. И я бы коллег призывал вот эти предложения обсудить. Спасибо большое.

Председательствующий. Спасибо.

..., но вы считаете, что таких кардинальных изменений не нужно, что нам хватит именно вот...

Мифтахутдинов Р.Т. Я вот сколько сталкиваюсь с законотворческим процессом, просто кардинальные изменения, если мы опять их запустим, то они очень сильно отодвинут вопрос улучшения того, что можно уже улучшить. Да, то есть понятно, что, конечно, хорошо лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным, но вот, если мы скажем, давайте писать концепцию, давайте все долго и правильно выписывать, как это должно быть, у нас не будет улучшений еще очень длительное время. А как я понимаю, нашей экономике это важно сейчас, сегодня и быстро, хотя бы то, что можно сделать с точки зрения вот согласования в политическом пространстве.

Председательствующий. Спасибо.

Но вот, вы знаете, я от вас услышал очень много таких моментов, связанных именно с добросовестностью. Я хотел обратиться к Анатолию Геннадьевичу и Константину Николаевичу.

Во-первых, Анатолий Геннадьевич, на финансовом рынке понятие "добросовестности" вот на сегодняшний день, оно определено или нет? И к Константину Николаевичу относительно вот, кто такой, собственно говоря, налогоплательщик и тем более должник, да, добросовестный?

Дело в том, что вот мы смотрели со своей стороны на площадке нашего комитета очень внимательно на тему добросовестности в плане природопользовательской сферы и так далее. На сегодняшний день практически определить добросовестного, ну, по сути вот в нашей сфере, во всяком случае, оказалось невозможно, Анатолий Геннадьевич, как у вас?

Аксаков А.Г. Ну, термин "добросовестный должник" или кредитор, конечно, это используется в практике, скажем так, в дискуссиях, там, в выступлениях, но юридического понятия нет, насколько я понимаю. И не сталкивался с этим, так что все это относительно. Каждый по-своему оценивает добросовестность, я так понимаю.

Председательствующий. Понятно.

Константин Николаевич.

Чекмышев К.Н. Да, вопрос действительно очень актуальный, поскольку этот вопрос возникает сейчас действительно не только в сфере банкротства, но и в сфере налогообложения, вы правильно отметили. Он сейчас очень остро с учетом последних изменений, введения статьи 54.1 Налогового кодекса, обсуждается. Понятно, что, наверное, термина универсального добросовестности в законодательстве выработать нельзя. То же самое и 53-е постановление пленума, которое было основано как раз на выявлении принципов недобросовестности, что же считать недобросовестностью, оно на самом деле очень объемное и, по сути, оно обходилось не какими-то опять же вот универсальным термином, оно обходилось какими-то примерами, множеством, множеством примеров, когда эта недобросовестность, она вот, наверное, презюмируется.

И по этому же принципу пошла наука с точки зрения определения того, что же можно считать недобросовестным поведением налогоплательщика и это родилось в те презумпции, которые, по сути, сформулированы в статье 54.1. То есть самый простой признак того, что ты действительно пытаешься затянуть в налогообложение несуществующие факты хозяйственной жизни это то, что ты пытаешься сказать, что было исполнено или было сделано, то, чего не было сделано, собственно говоря, тем контрагентом и мне, которого документы ты представляешь.

То же самое сейчас мы видим и в законе "О банкротстве". Термин "добросовестности", ну, наверное, его раскрыть трудно, но те презумпции,

например, которые указывают на недобросовестное поведение, которые, например, сформулированы в статье 61.11, сейчас закон "О банкротстве", они уже облегчают доказывание для тех, кто эту недобросовестность фактически заявляет, то есть те кредиторы, которые пострадали от неправильных действий менеджмента. Без этих презумпций говорить о том, что легко, они не то, что даже легко, в принципе можно доказать ситуацию недобросовестного поведения менеджмента, это, ну, наверное, мы были в этой ситуации очень долго и приходили к тому, что привлекали к ответственности только номинальных руководителей. Эти презумпции они прямо указывают, да, есть признаки недобросовестного поведения. Если это не так и есть разумная деловая цель, можно доказать иное. Сформулировать это в законе опять же было бы крайне сложно и, наверное, все-таки должны оставаться вопросы, на которые будет находить ответы судебная практика, а не только законодатель.

Председательствующий. Спасибо большое.

Аксаков А.Г. Ну, я хотел бы сказать, что банкиры сейчас принципы добросовестного поведения вырабатывают в связи с письмами, слухами, к сожалению, друг о друге распространялись, чтобы не было таких фактов, соответствующий документ готовится.

Председательствующий. Ну, то есть это правила профессиональной деятельности по смыслу.

Аксаков А.Г. Я думаю, да.

Председательствующий. То есть в большей степени это правила профессиональной деятельности, которые вырабатываются самим сообществом.

Спасибо большое.

Олег Романович Зайцев, консультант отдела общих проблем частного права Исследовательского центра частного права имени С.С.Алексеева при Президенте Российской Федерации. Хотел обратиться к вам, Олег Романович, вот тоже с точки зрения именно экспертной вашей, то, что сейчас прозвучало и с позиции и добросовестности, и возможности вообще в новом законодательстве, вернее как, в изменениях в законодательство прописать и те требования, которые на сегодняшний день практически все стороны предъявляют к процедуре банкротства. На сегодняшний день это возможно в целом? Или мы должны всё-таки идти таким постепенным эволюционным путём?

Зайцев О.Р. Спасибо большое.

Я наблюдаю за этим законопроектом с 2009 года и считаю большим достижением то, что за эти восемь лет сделан такой шаг - он был внесён в Государственную Думу. И поэтому я, конечно, за эволюционный путь, потому что другого пути у нас просто нет. Поэтому я думаю, что это большое достижение, и мне, конечно, очень хочется надеяться, что я ещё при своей

жизни увижу его принятым, вот есть у меня такая мечта. Очень хочется надеяться, что всё-таки успею это увидеть.

Что касается добросовестности, то, как мне кажется, всё очень просто. Когда законодатель говорит: "А вот здесь эта норма для добросовестного", это значит, что он говорит, что невозможно типизировать, и поэтому я доверяю судам решать каждый конкретный случай с учётом всех обстоятельств. Вот и всё. Если бы мы могли типизировать, то мы тогда не писали слово "добросовестный", и банкрот, от этого никуда не денешься, например, списание долгов даётся только добросовестному. И никакой законодатель в мире не пытается формализовать, что такое добросовестный гражданин, а что такое нет, понимая, что здесь как раз никто лучше судьи в конкретном деле ... всем не сможет сделать. Поэтому я думаю, что нам даже не стоит пытаться это сделать, это неизбежно, просто метод такой, юристы не могут в какой-то момент обходиться просто без доверия суда.

Что касается этого законопроекта, то, конечно, он далёк от идеалов, и, конечно, действующие иностранные модели, прежде всего, американская модель, они намного сложнее и намного прогрессивнее, но в том-то вся и штука, что если мы займём позицию, что давайте только идеальный механизм или вот как нам Дмитрий Валерьевич предлагает, давайте мы займёмся реформированием профессии, давайте другую не менее тяжёлую проблему компетентности и независимости управляющих вместе решим, то это ещё больше утопит просто. Можно ещё парочку сложных проблем сюда добавить, например, проблему компетентности независимости судов, а ведь она имеет тоже гигантское значение для этого законопроекта. И я могу ещё парочку подбавить сюда.

Я просто к тому, что...

Зайцев О.Р. Я понимаю, да. Но моя идея проста, что надо двигаться вперёд, бегемота надо есть по частям, и в этом законопроекте есть целый ряд вещей, которые, на мой взгляд, способны системно продвинуть наше банкротное право вперёд. Это и та же самая возможность отхода от обязательного наблюдения, действительно заодно если это произойдёт, то это будет гигантское достижение для нашего правопорядка.

Липкин И.Б. К ... это не имеет никакого отношения?

Зайцев О.Р. Имеет и самое прямое, Игорь Борисович, имеет. Потому что как раз сегодня, я вам хочу сказать, что сегодня вообще, конечно, мне понятно, что очень многие кредиторы, у них сидит в головах презумпция недобросовестности бизнесменов, но это профессиональное искажение. Тот, кто всё время борется с драконами, ему кажется, что все вокруг драконы. Но на самом деле, да, мы понимаем, что есть и честные бизнесмены, я могу сказать, что периодически я сталкиваюсь с людьми, которые задают вопрос: А что мне делать, если у меня бизнес попал в тяжёлую ситуацию, но она спасаема? Что

мне делать?". Я им говорю как честный человек: "Знаешь, российская банкротная процедура тебе не поможет. У тебя есть два пути: или смириться с тем, что твой бизнес погиб, ну, просто тебе не повезло жить в такой исторический период, когда российское банкротное право такое, что ну вот оно не умеет спасать. Или ты должен встать на путь преступления, начать рисовать те самые требования, как многие ему говорят, и тогда ты спасёшься, но встанешь на путь преступника". Тяжелейший моральный выбор: или наблюдать, как твоё детище умирает. Или самому встать на путь преступления, и я не знаю, честно говоря, не позавидуешь честному бизнесмену в этот момент, я бы не хотел быть на его месте. И поэтому, кстати говоря, очень многие люди не хотят быть на их месте, и мы знаем, что у нас системная проблема, многие не хотят заниматься бизнесом.

Поэтому я убеждён, что этот законопроект движется в правильном направлении, он не идеальный, и, конечно, можно было бы сделать намного лучше, но если вопрос стоит так, чтобы сделать его идеальным, мы можем ещё лет 30-50 работать. А беда в том, что всё это время живые бизнесы умирают. Поэтому я очень всё-таки рассчитываю на уважаемых коллег из Государственной Думы, что всё-таки мы в этом поколении доживём до принятия этого закона.

Если же всё-таки ставить вопрос, но, может быть, всё-таки что-то можно было бы улучшить? То, да. Мне кажется, в частности, вот одна вещь, очень важная, которую можно было бы, мне кажется, ко второму чтению решить, это устранение от голосования аффилированных кредиторов.

Вот я ещё раз посмотрел сегодня утром текст. К сожалению, в том тексте, который внесён в Государственную Думу, это выпало, а это важнейший момент. Должник, рядящийся в одежды кредитора, не должен сам решать свою судьбу.

Всё-таки когда мы говорим, что план утверждают кредиторы, это должны быть подлинные и внешние кредиторы, а не внутренние, не акционеры и не связанные с ними лица. Мне кажется, что это важнейшая вещь, её нужно вернуть.

Также я не могу не поддержать Константина Николаевича в том, что есть один способ выбора управляющий, которого мы не попробовали. Мы пробовали всё, выбирал суд. Все говорили, а суд коррумпированный, ему нельзя доверять. К сожалению.

Я не согласен с этим, но это общественное мнение, у нас было, когда суд выбирал. К сожалению, общество, оказалось, не готово доверять.

У нас ввели саморегулирование. Был период, когда нельзя было предлагать конкретные кандидатуры, всё общество решило, что, к сожалению, всё, кроме... вне управляющих, что, к сожалению, это тоже неэффективно и плохо выбирают.

Разрешили кредиторам предлагать кандидатуры, и тоже всё сообщество убедилось в том, что это приводит к прямому сговору между кредитором и управляющими, и от этого страдают системно все.

Поэтому мы, в общем, испробовали все варианты, которые есть, кроме одного, это случайный выбор на основе системы рейтингования, когда вот есть система, в которой управляющий, у него есть рейтинг по объективным критериям, качество его работы. И дальше происходит...

Мы действительно, это американская система, это японская система. Мы этого не пробовали. И надо попробовать, потому что ну терпеть то, что есть, нельзя, а все остальные механизмы, к сожалению, уже все перепробованы, и общество им не доверяет.

К сожалению, ну вот это реалии, и надо попробовать, мы не должны, как мне кажется, опускать руки, и я оптимист, и я очень хочу надеяться, что банкротную процедуру российскую можно сделать лучше.

Насчёт каунтдауна, вот Рустам Тимурович уверен, что политически это не реализуемо, а я придерживаюсь принципа: "Будьте реалистами и требуйте возможного".

Вот в банкротстве граждан мы это уже запустили. И у нас есть возможность сегодня утвердить план без согласия кредиторов. И у заёмщиков появилась переговорная позиция с банками. И есть уже конкретные примеры в судах, когда суд утверждает план без согласия кредиторов.

Я понимаю, что это болезненный момент и тяжёлый, но это важный элемент реабилитационной процедуры. И переговорная позиция у должников должна быть.

Её отсутствие в законопроекте, как мне кажется... расслабляет. Даже в таком виде лучше, чем ничего. Но если мы хотим большого эффекта, то мы, в том или в ином виде, крамдаун, возможно, осуществление плана без согласия кредиторов, я в этом глубоко убеждён, должны вернуть.

И последнее, коллеги, на что я хотел бы обратить внимание, это то, что вот, я уверен, многие все это слушают, но когда они, сидящие за этим столом в зале люди приходят в ... города Москвы, где у судьи назначено с девяти вечера до шести формальное судебное заседание по пять минут на каждое, то они задают себе вопрос, а как же вот все эти вопросы будет решать судья, который просто уже к вечеру, у него уже голова не соображает, потому что он живой человек.

И, к сожалению, в меньшей степени, но это происходит и в других экономически развитых регионах. Поэтому мне кажется очень важным, и в одной из итераций законопроекта было, я бы предложил, подумать над тем, чтобы это вернуть, нам нужно очень важную вещь сделать, чтобы снизить нагрузку судей, чтобы судьи могли заниматься подлинно важными и сложными вещами. А для этого нужно сделать одну простую вещь, надо отказаться от

обязательности судебного порядка установления требований, и в суд ходить только, если есть возражения.

По статистике, половина нагрузки судей - это установление требований. В абсолютном большинстве случаев происходящее в отсутствие каких-либо возражений, в отсутствие явки, все мы наблюдаем эти случаи, когда в зал суда просто никто не приходит. Вот если... а тем не менее это много времени занимает у судей, у помощников, у аппарата судов.

Если мы это сделаем, мы сразу одним махом процентов на 30 снизим нагрузку судей, и они смогут нормально реально важные вопросы, типа, утверждение плана, контроль за управляющим, субсидиарная ответственность и так далее, и так далее.

Вот мне кажется, что если это вернуть, то мы реально сделаем, больше шансов на то, что будет законопроект заработает.

Липкин И.Б. Больше шансов, что будет очень много...

Зайцев О.Р. Нет, не будет. Не надо, Игорь Борисович, вот нас всё время пугают, я вот уважаемых коллег из Государственной Думы, я уверен, что вы постоянно это слышите, что вот, если отказаться от судебного решения для возбуждения дела, если отказаться от судебного порядка установления требований, если дать должнику возможность утверждать план без согласия кредиторов и так далее, и так далее, всё это возврат в 90-е годы. А мы все очень боимся, это вот такой сейчас прямо фетиш, что 90-е годы, это так страшно. Но вот я вас заверяю, что наше банкротное право с тех пор, вот экспертно, что наше банкротное право намного более зрелое сейчас. И у нас есть сейчас целый ряд системных решений, которые уже не позволят нам. И бояться до сих пор, что вот мы такие вот, до сих пор неумелые, что нам вот тонкие инструменты до сих пор недоступны, давайте всех везде ограничим, всех везде не пустим, мне кажется, что уже это время прошло. Мы слишком долго наблюдали неэффективную процедуру, и настало время всё-таки сделать её более эффективной. И я абсолютно уверен, что никаких тут рейдерских захватов не будет, а просто будет большая эффективность.

Спасибо.

Председательствующий. Спасибо большое.

На самом деле прозвучало, вот в последних особенно выступлениях, достаточно много конкретных предложений. Я потом в конце, когда мы будем подводить итоги...

Екатерина Андреевна, я тогда попрошу тоже вас прокомментировать те предложения, которые мы сегодня услышали.

Вы знаете, вот к вопросу и рейдерских захватов, и коррупции, и необъективности, и так далее. Всегда... В общем-то, мы всегда стремимся к тому, чтобы у нас вводились те процедуры, которые не зависят от прямого

участия человека. Это, прежде всего, возможности наших и информационных технологий, и открытых процедур, и открытой информации, и так далее.

У нас сегодня присутствуют: Игорь Борисович Липкин, исполнительный директор Союза операторов электронных площадок, и Алексей Владимирович Юхнин (вот вы вместе так вот сидите; тоже, я думаю, не даром), директор по развитию проектов ЗАО "Интерфакс". "Интерфакс" как раз ведёт единый реестр по раскрытию информации.

Я хотел бы вам предоставить слово. Игорь Борисович, сначала, наверное, вам. У вас уже завязался диалог. Да.

Липкин И.Б. Спасибо большое.

Ну, я на самом деле в силу своей должности хотел-то говорить о конкурсном производстве и о торгах вот сейчас.

Председательствующий. Ну, наверное, лучше вот об этом и говорить, прежде всего.

Липкин И.Б. Да, да. Ну, давайте... Нет, как раз об этом нужно говорить, потому что это то, что способствует повышению эффективности процедур. Но раз уж речь сегодня идёт о финансовом оздоровлении, а я всё-таки бывший директор Российского союза, тоже несколько слов... И с 2009 года тоже писал закон.

Из зала. У нас три бывших директора.

Липкин И.Б. Да.

Значит, есть одна маленькая деталь. Просто, в отличие от Олега Романовича, я хотел бы не дожить до того, когда закон будет принят, а дожить до того, когда он будет эффективно использоваться. Это немножечко разные вещи. Поэтому я вот хотел поддержать в первую очередь...

Председательствующий. Но одно без другого невозможно, согласитесь.

Липкин И.Б. А вот принятие без эффективного использования - бессмыслица. Поэтому принимать то, что на самом деле стреляет по воробьям, и даже не из пушки, а из ракетной установки... Ну, конечно, штука замечательная...

Вот в первую очередь главное сказал Михаил Евгеньевич: без участия государства в этом процессе, без определения целей государства, без определения роли государства, без определения государственной политики любое финансовое оздоровление...

Если конкурсное производство сегодня достигает той цели, которая работает в интересах государства, должник платит текущие налоги, и даже что-то из реестра, кроме залога, кредиторам достаётся. Но на самом деле государство...

Арбитражные управляющие, как мы помним, вот как раз должны действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества. Скажите мне, в каком месте закона о финансовом оздоровлении или

о банкротстве описано, что такое интересы общества и что такое интересы государства.

Государство когда-то имело специальный орган для определения государственной политики, который не только представлял интересы государства в деле о банкротстве, но и формулировал государственную политику. Первый указ Бориса Николаевича Ельцина от 1994 года был о финансовом оздоровлении ЗИЛ. Так что, видите, у этого процесса довольно большая история.

И сегодня, не сформулировав в законе ни роль государства, ни цели государства, ни участие государства в собрании кредиторов, ни участие государства в собрании по вопросам введения процедуры, ни участие государства в определённых льготах, которые оно должно давать на период финансового оздоровления, на мой взгляд, финансовое оздоровление в этих случаях будет просто формальностью.

Такие предложения мы, кстати, давали, поэтому готов вот сейчас... Можно сейчас оглашать не буду? Я не готовился сегодня говорить ровно об этом. Ровно о другом есть доклад. Вот что тоже на самом деле важно, на мой взгляд. Это первое.

Второе. Замечательная вещь на самом деле - поменять критерии выбора арбитражных управляющих. Я вот (в отличие от коллег) просто участвовал и в подготовке закона 2002 года, и всех поправок к нему, которые были, поэтому хорошо помню, почему надо было вести рассмотрение дела. И Конституционный Суд принимал решение, что нам надо рассматривать требования в присутствии представителей собственника. Ну, это было ещё где-то в 2000 году. Но вы не помните в связи с вашим детством. Значит, поэтому...

Председательствующий. Игорь Борисович, здесь... Здесь вопрос такой. Этот автор предыдущего... То, сейчас критикуется...

Липкин И.Б. Готов отвечать. Я не автор, нет.

Председательствующий. Лучше об электронной...

Липкин И.Б. Поэтому я не об авторстве. Я просто о том, что нам необходимо тогда определить критерии эффективности работы арбитражных управляющих, если мы хотим выбирать их по определённому принципу.

Такая работа, кстати, начиналась. Российский союз вместе с Федеральной налоговой службой эту работу начинал. Её просто не сделали.

Поэтому сегодня вводить, давайте отменим одну систему и введём другую систему. Другой системы у нас нет, у нас сегодня невозможно оценивать арбитражных управляющих, к сожалению, по эффективности работы, потому что таких процедур, как вы знаете, немного. Поэтому каким образом можно сегодня. Поэтому надо эту работу сначала сделать, прежде чем предлагать систему нового отбора, иначе невозможно предложить. Вот такие предложения мы тоже давали.

Ну, и, на мой взгляд, действительно, уход от установления любых требований в суде это приведёт ровно к противоположным целям. Мы же за добросовестных кредиторов. Хорошо, я, пожалуй, на этом остановлюсь.

Конкретные предложения с удовольствием передам.

Председательствующий. Игорь Борисович, я бы хотел на самом деле всё-таки вернуться к тому вопросу, который я задал. Это, вот смотрите, вы же представляете Союз операторов электронных площадок.

Липкин И.Б. Да.

Председательствующий. Это один из механизмов, который всё-таки, ну, публичности в том числе.

Липкин И.Б. Да.

Председательствующий. Да. Вот, на ваш взгляд, каким образом именно механизмы обеспечения информационной открытости, публичности, отсутствия какого-то личного воздействия на процесс, они могут помочь нам в том, чтобы процедура банкротства и реализации, она стала более взвешенная и объективная?

Липкин И.Б. Теперь мы говорим о процедуре реализации, да?

Председательствующий. Конечно.

Липкин И.Б. О процедуре реализации достаточно просто. Мы действительно знаем, что подготовлен был Минэкономразвития проект закона, который мы предлагали вот как ... союз ещё лет пять назад. И он действительно меняет всю процедуру проведения торгов. Сегодня торги... Торги был вообще большой шаг вперёд, когда отказались в 2002 году от прямых продаж. Как вы понимаете, шаги делаются... Тут Олег Романович, видимо, прав, шаги делаются постепенно.

Первый шаг был – это отказ от прямых продаж, переход к торгам. Второй шаг в 2010 году, благодаря предложению Минэкономразвития, поручению президента, были введены электронные торги. Первая отрасль, где вообще есть электронные торги. Банкротство вообще первая отрасль, первые СРО, первые торги, первые электронные торги, первые ЕФРСБ, то, чего нет. Это вообще такое опытное поле для всех новшеств. Первое опытное поле, первый СРО операторов электронных площадок.

Поэтому сегодня, когда в 2010 году писался закон о банкротстве, тогда торги предлагались как некое будущее, и говорилось так, что мы не можем написать в законе как должны проходить торги, вот Минэкономразвития как-то напишет. С тех пор есть опыт семи лет, есть новое понятие, как должны развиваться торги. Они должны не проходить как сегодня, они списаны были, к сожалению, в своё время с приватизации. Ну, с того опыта, который был в обществе. Значит, не получается, в приватизации гораздо больше сроки есть, которые позволяют реализовывать имущество. В банкротстве этого срока

физически нет. Нельзя отложить, сказать: ну, ладно, продадим потом, когда конъюнктура будет лучше.

Поэтому сегодня это направление, изменение самой процедуры торгов больше открыто за счёт того, что мы даже надеемся, что там вот это в законе прописать, наверное, ещё будет рано, а элементы блокчейна, которые сегодня широко обсуждаются, наверное, будут уже внедряться стандартами самих саморегулируемых организаций. То есть сегодня мы считаем, что закон о торгах надо менять. Закон надо менять так, чтобы он резко сокращал срок и давал возможность повышать размер удовлетворения требований. И убрать те элементы публичных торгов, публичного предложения, которые являются непубличными, сделать все предложения абсолютно публичными и открытыми. Для этой цели у нас сегодня, с одной стороны, уже существует один федеральный ресурс, с другой стороны, предлагаем те ресурсы СРО, которые будут.

Ну, и с третьей стороны это развитие самой системы саморегулирования, которая заставит, она уже сегодня позволила треть площадок с этого рынка убрать, на наш взгляд, не всегда добросовестных, вплоть до того, что, скажем, одна площадка проводила торги по банкротству, ни одного сообщения в ЕФРСБ не разместила. Вот как это могло происходить, я не представляю себе. Вот, вот что о торгах.

Председательствующий. Хорошо. Спасибо большое.

Алексей Владимирович, к вам вопрос аналогичный. Как процедура, и что нужно сделать, чтобы у нас эта процедура была более открыта, публична и независима от персональных решений.

Юхнин А.В. Коллеги, добрый день. Ну, на самом деле...

Председательствующий. Игорь Борисович, просто... да, спасибо.

Юхнин А.В. На самом деле, с моей точки зрения, вот открытость процедур в банкротстве, она позволяет в некоторой степени минимизировать риски для должников, для кредиторов, поскольку, что называется, все всё обо всех знают. Но это, что называется, донесение информации до кредиторов, до должников – это одна только из функций реестра.

На самом деле сегодня господин Андрейченко, ушедший уже, собственно говоря, приводил цифры, которые мы предлагаем, в том числе, и государству, и Госдуме, и, соответственно, регуляторам. Это цифры о том, что у нас происходит в процедурах банкротства именно для того чтобы задуматься и принимать какие-то регулятивы, направленные на исправление ситуации.

Господин Андрейченко приводил цифру, и я действительно готов это подтвердить, мы видим, что по отчетам арбитражных управляющих 70 процентов компаний должников не платит кредиторам ничего. При этом в отношении этих компаний, как правило, проводятся процедуры наблюдения, которые занимают пять-шесть месяцев, какое-то время проводится конкурсное

производство, то есть это время, это деньги и абсолютное отсутствие какого-то смысла. Собственно говоря, и законопроект о реструктуризации был, насколько я знаю, отдельный законопроект по отмене наблюдения, они эту проблему решают, но это опять же одна из проблем.

Вторая, то, о чем говорил Игорь Борисович, это, конечно, сроки проведения процедур с точки зрения торгов. Мы видим, что, например, те процедуры, в которых проводятся, то, что сейчас идут торги, торги фактически занимают 4, 5, 6 месяцев. При этом, как только мы обращаем внимание, например, на сельскохозяйственные организации, где семь торгов, мы видим, что общая процедура конкурсного производства удлиняется с 18 месяцев до 4-5 лет.

Понятно, что за 4-5 лет при существующей системе, в том числе, вознаграждения, о которой говорил Дмитрий Валерьевич (30 тысяч в месяц), за четыре-пять лет сельскохозяйственное предприятие просто съестся на вознаграждении арбитражного управляющего. Таких, собственно говоря, проблем, которые можно и нужно решать сейчас их достаточно много. Коллеги подчеркивали, многие из них, я бы ещё раз обратил внимание, во-первых, на наблюдение, которое в 70 процентах случаев бессмысленно, и я думаю, что судам это видно с первого взгляда. Это, наверное, торги, которые проходят уйму времени, при этом опять же первые и вторые торги четыре процента только состоялось, а во всех остальных случаях это публичное предложение, это ещё где-то месяца полтора-два-три с дисконтом 70 процентов от начальной цены.

Процедура бессмысленная, их надо переделывать. Это системный подход к вознаграждению управляющего, возможно, посмотреть по расходам, ну и с назначением управляющего, в общем, тоже, видимо, не всё очень здорово.

Председательствующий. Спасибо большое.

Я хотел обратить внимание, что у нас будет прекрасная возможность оценить подобные изменения в части процедуры наблюдения по застройщикам, потому что с 1 января 2018 года в соответствии с законом, который мы приняли, эта процедура исключается полностью. Так что я думаю, что мы на практике сможем это увидеть.

Я, чтобы подвести итоги, буквально несколько слов. Хотел предоставить слово Анатолию Геннадьевичу и Екатерине Андреевне. Пожалуйста, Анатолий Геннадьевич.

Аксаков А.Г. Спасибо, Николай Петрович, для меня, признаюсь, полезный разговор.

Всё-таки больше занимаюсь банками, страховыми организациями, другими финансовыми институтами. Но деятельность этих институтов, во-первых, как кредиторов, как организации, которая с предбанкротными предприятиями очень часто сталкивается, важно знать и всё, что касается

общего банкнотного законодательства. Поэтому я уже лучше представляю подходы к тому, с нашей точки зрения, как двигаться по совершенствованию законодательства.

Мы, Николай Петрович сказал сейчас, внесли закон, направленный на оздоровление страховых организаций, будет следующий шаг уже по микрофинансовым организациям, негосударственным пенсионным фондам, то есть такая этапность будет. Но при этом я бы хотел воспользоваться этим законопроектом, который сейчас внесен правительством, в попытке продвигаться.

И вот тот пессимизм, который звучал, я его не поддерживаю, поскольку с Николаем Петровичем мы тут работаем год вместе, нам уже сообща удалось несколько очень серьезных решений провести в Госдуме.

Потому что у нас есть заинтересованность в том, чтобы это проводилось. Мы не сидим, просто штаны протираем, а стремимся изменить всё-таки законодательство, поэтому я бы обратился к вам с просьбой, как раз активно взаимодействовать с комитетом Николая Петровича, с нашим комитетом для того, чтобы сообща действительно выдать неплохой документ, который будет работать на развитие экономики.

Председательствующий. Спасибо большое.

Екатерина Андреевна, то, что сегодня предложения услышали, иногда даже очень такие... не сказать, экстремистские, но кардинальные.

Пожалуйста.

Сороковая Е.А. Спасибо, Николай Петрович.

Но для меня, наверное, особенно полезна была эта дискуссия, поскольку я недавно в должности и так стремительно погружаюсь во все процессы, происходящие в департаменте. И та часть, которая относится к банкротству, она там одна из ключевых. И мы, конечно, активно работаем в этой части.

Вот спасибо, Анатолий Геннадьевич, за ваше выступление в начале. Я хотела несколько комментариев дать по поводу того, что законопроект больше получился продолжниковским, попросила Михаила освежить в памяти вот формулировку порученческую, поручения президента, потому что, конечно, мы отталкивались от неё, и вот она звучит, собственно, как обеспечьте повышение эффективности применения реабилитационных процедур к должнику – юридическому лицу. Но при этом понятно, что то, о чём вы говорили тоже, проблемы-то комплексные, конечно, мы там должны решать не только вопрос поручения президента, а всё-таки попытаться решить те глобальные проблемы, которые есть в сфере банкротства, хотя тут и Олег Романович тоже прав, потому что, конечно, всё решить, в общем-то, этим законопроектом нельзя. Поэтому надо сконцентрироваться на самых важных вещах. И проблема невозможности реструктуризации долгов крупнейших предприятий, о которых вы говорили, она, конечно, стратегическая, наверное, одна из ключевых.

Поэтому я бы сосредоточилась, наверное, здесь не на достижении каких-то там показателей цифр, о которых вы говорили, Николай Петрович, которых я не знаю, к сожалению, а о том, чтобы всё-таки правильно сформулировать те положения, которые нас к этим цифрам приведут и так в дальнейшем, если они будут правильно сформулированы.

Отдельно хотела поблагодарить Константина Николаевича за выступление тоже. И, конечно, проблема снижения влияния аффилированных кредиторов важная, проблема арбитражных управляющих тоже, наверное, одна из ключевых, но к ней, мне кажется, очень важно подходить аккуратно, потому что есть опыт, там, я не знаю, например, Сбербанк, у них есть работающий рейтинг, уже его нужно внимательно изучить, мне кажется, хотя понятно, что они его делали под себя.

Там есть специфика, есть предложения Федеральной налоговой службы, которые уже тоже сформулированы, в общем-то, и сформированы посредством длительной работы, размышлений и анализа и так далее.

Есть мнение сообщества профессиональных арбитражных управляющих, которые тоже нужно учесть и так далее.

То есть, это на самом деле такая большая комплексная работа, которую, я надеюсь, мы проведем успешно с учётом всех или ключевых, скажем так, значений, мнений.

Спасибо вам ещё раз большое за такую интересную дискуссию.

Председательствующий. Спасибо.

Коллеги, я хотел обратить ваше внимание, что скорее всего на следующей неделе мы будем на комитете рассматривать этот законопроект, поэтому приглашаю к обсуждению.

Но, тем не менее, вот опыт дискуссий по теме банкротства, и сегодняшняя дискуссия это не исключение, меня убедили только в том, лишний раз убедили в том, что у нас с вами пока не сформирована, не сформулирована цель, что мы хотим добиться.

Вот у каждого есть свои цели, с точки зрения и профессионального объединения, и даже Федеральной налоговой службы как участника, который представляет государство, несомненно, но, тем не менее, заинтересованного участника.

И в этом плане, Екатерина Андреевна, вот у меня большая просьба. Мы на следующей неделе, если будем обсуждать, всё-таки сформулировать эту цель со стороны государства, потому что Федеральная налоговая служба, она, несомненно, отстаивает интересы государственные именно с точки зрения... вот именно со своей фискальной роли, но у министерства есть, в том числе, и задачи по развитию бизнеса и много таких, скажем так, разносторонних интересов. Поэтому, мне кажется, до тех пор, пока мы с вами чётко не сформулируем цель, которую ставит перед собой государство, в том числе

может быть и по цифрам, мы не придём к единому знаменателю, поэтому давайте попробуем это сделать. Я всех приглашаю дальше работать над этим законопроектом.

Нам предстоит серьезная большая работа, я надеюсь, и после первого чтения. Я надеюсь, что мы его поддержим, этот законопроект, несомненно, важный. И давайте тогда работать. На следующей неделе мы продолжим эту дискуссию.

Спасибо большое.